

УДК 821.111 (73).09“19”

**СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ
УХОДА И БЕГСТВА
В БЕЛОРУССКОЙ
И АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ
XX ВЕКА**

Д. А. Лабовкин

преподаватель

Полоцкий государственный
университет

В статье сопоставляются типы ухода и бегства героев белорусской прозы и их аналоги в американской прозе XX в. Выявляется общее и индивидуальное в изображении ухода и бегства в обеих литературах. Присутствие данных мотивов в белорусской прозе на данном этапе литературного процесса обусловлено конкретными политическими и культурными преобразованиями, а также в частных случаях оригинальностью художественного замысла отдельно взятого автора. В прозе США без труда можно обнаружить типы ухода и бегства, аналогичные тем, что встречаются в белорусской прозе XX в., однако изображение этих явлений традиционно для американской литературы в целом. Также ввиду различий в общественно-политическом устройстве и господствующем на протяжении большей части XX в. литературном направлении очевидными являются концептуальные различия в изображении ухода и бегства в отечественной и американской прозе. Схожесть в изображении данных явлений в белорусской и американской прозе носит исключительно локальный характер.

Ключевые слова: бегущий, уходящий, мотив, государство, общество, семья.

Введение

В американской прозе мотивы ухода и бегства являются одними из основополагающих, что, по словам Л. Фидлера [1, р. 26] и А.М. Зверева [2, с. 21], обусловлено в первую очередь архетипом “бегущего героя”, который сложился и закрепился в сознании американцев сотни лет назад и восходит к их роли европейских отщепенцев и открывателей новой “райской земли”. Изображение ухода и бегства в белорусской прозе не

изучалось литературоведами, однако очевидным представляется тот факт, что и в белорусской, и в американской прозе XX в. изображаются явления, которые соответствуют определениям “ухода” и “бегства”.

В толковом словаре русского языка словарная статья, посвященная существительному “уход”, перенаправляет нас к глаголу “уйти” [3, с. 1242], который имеет следующие толкования: “1. Идя, удалиться, покинуть какое-н. место. <...> 2. В сочетании с существительными употр. в знач. перестать что-н. делать или заниматься чем-н., перестать быть кем-н. или каким-н. (в соответствии со значением существительного)” [3, с. 1218]. Существительное “бегство” определяется как “тайный, самовольный уход откуда-н.”, а также как “беспорядочное отступление” [3, с. 69]. Так, определяя понятия “уход” и “бегство”, мы принимаем во внимание толкования обоих слов, а также специфику нашего исследования. В данном исследовании под понятием “уход” подразумевается сознательное создание героем ситуации, способствующей его удалению (или отрешению) от раздражающего фактора и обладающей потенциалом для реализации его жизненного идеала. Под понятием “бегство” подразумевается осознанное или несознательное удаление (или отрешение) героя от обстоятельств, причиняющих ему духовный либо физический дискомфорт.

В данной работе выделяются такие виды ухода (бегства), как внутренний(-ее) уход (бегство) и внешний(-ее) уход (бегство). Такое разделение на виды основано на различии в характере проявления ухода или бегства. Внутренний(-ее) уход (бегство) свойственен(-нно) тем героям, которые отрешаются от раздражающих факторов посредством мечтаний, ухода в себя, наркотических видений, для них убежищем служит их собственный внутренний мир. Внешний(-ее) уход (бегство) характерен (-но) для героев, которые удаляются от раздражающих факторов посредством физического перемещения, проявлений плотской любви, агрессии, уход или бегство проявляется в поведении таких героев за счет их активного взаимодействия с окружающей средой.

Типы ухода (бегства) выделяются на основании того, что является источником, отправной точкой ухода или бегства героя, как то: уход (бегство) от общества, семьи, общественно-политического строя, цивилизации и т. д. Под понятием “форма ухода (бегства)” подразумеваются действие либо совокупность действий героя, направленных на его удаление от раздражающего фактора (физическое перемещение, классовая борьба, фантазии, пьянство и т. д.).

Основная часть

В белорусской литературе наибольшей популярностью изображение ухода доминировало в 1920–1930-е гг., что в высокой степени явилось следствием социально-политических преобразований в стране, ставших результатом Октябрьской революции 1917 г., гражданской войны и коллективизации. В контексте главенствующего в художественной литературе в данный период соцреалистического направления наиболее распространено было изображение ухода героев от старого строя в новую революционную действительность.

О желании молодых людей уйти от старого уклада жизни и построить новое будущее посредством принятия революционных идей также пишет в ряде рассказов П. Головач. Одним из них является произведение “Дасужая” (1927), где автор изображает девушку Надежду, которой вера в коммунистические идеалы помогает исполнить мечту – уехать в город, поступить в институт и в целом идти по жизни с оптимизмом и уверенностью в будущем. В.Ю. Боровка пишет: “Надзея – тыповы прыклад станоўчай герані ў літаратуры таго перыяду. Яе жыццё асветлена высокай мэтай, грамадскае яна ставіць вышэй за асабістае” [4, с. 584].

В повести П. Головача “Спалох на загонах” (1930) автор изображает коллективизатора Панаса, формой ухода которого становится классовая борьба. Герой уверен в необходимости коллективизации, которая видится ему правильным шагом на пути к новому коммунистическому будущему. Панас ни на секунду не сомневается в своих взглядах, презирает приспособленцев, верит, что “шлях да шчасця цесна звязаны з жорсткай класавай барацьбой” [4, с. 591].

Я. Колас в повести “Адпчаченец” изображает крестьянина, который уходит из дома, чтобы своими глазами увидеть, что такое коллективная собственность, а затем возвращается в родную деревню и агитирует односельчан последовать его примеру и податься в колхоз. То есть в повести Я. Коласа изображается уход от дореволюционного устройства сельского хозяйства и устаревшего крестьянского индивидуалистического образа мысли, что отмечается М.А. Тычиной [5, с. 230].

Классовая борьба и новый образ мышления также оказываются формами ухода от собственных чувств, переживаний для героя романа М. Зарецкого “Вязьмо” (1932). В одном из эпизодов произведения Сымон Каризна едва сдерживает слезы, слушая, как крестьянин прощается с любимым конем, который отныне принадлежит государству. Однако Каризна убеждает себя в том, что такая сентиментальность есть проявление слабости характера, от которой нужно избавиться как можно скорее, чтобы подобные проявления кулацкого мировоззрения не становились на пути к светлому коммунистическому будущему: “Гэта – рабства. Гэта пракляты ідыятызм патрыярхальнае вёскі. Трэба знішчыць гэта, трэба смяцца з гэтага... Трэба быць жорсткім” [6, с. 73]”. Такого же мнения насчет присутствия в романе М. Зарецкого мотива ухода придерживается исследователь Т.М. Дасаева [7, с. 48].

Революционное мышление также явилось формой ухода от старого порядка и образа мысли для другого героя романа “Вязьмо” Зеленока. Не являясь, в отличие от Каризны, выходцем из деревни, он и вовсе считает крестьян низшим строем общества. Такие взгляды движут героем, заставляя неуклонно следовать коммунистическому курсу, с симпатией относиться к проявлению силы в деле коллективизатора. М.И. Мушинский пишет: “Зеленоку недаступная логіка паводзін працоўнага чалавека. Ён увогуле не схільны знаходзіць станоўчыя пачаткі ў сялянскім жыцці. Створаны ўладаю міф пра духоўнае ўбоства і палітычную адсталасць вяскоўца служыць Зеленоку псіхалагічнай асновай для абгрунтавання сілавых дзеянняў у працэсе калектывізацыі” [8, с. 539].

Очевидно, что во времена столь радикальных политических и социальных преобразований в литературе появились герои, уходящие или бегущие от революции и ее последствий, либо герои, избегающие того, чтобы быть участниками этих перемен. В романе М. Зарецкого “Вязьмо” таким героем стал Галилей, который бежит от ограниченного мышления, насаждаемого агитационными речами коллективизаторов. В одном из эпизодов герой сбегает во время беседы с Зеленоком, разочаровавшись в агитаторе как в человеке широкого кругозора. М.И. Мушинский отмечает: “І гэтыя ўцёкі [курсив наш. – Д.Л.] паказальныя: Галілей спадзяваўся пачуць ад субяседніка слова агульнае і глыбокае, адзінае ў сваёй першаістотнай глыбіні, слова, якое б раскрыла існасць жыцця, схаваныя сэнс падзей, што адбываліся ў краіне, а самаўцёўны Зеляшок абмежаваўся тлумачэннямі побытавага ўзроўню, зацяганымі прапагандысцкімі штампамі” [8, с. 542].

Отшельничество, огражденность от остального мира как форма ухода от коллективизации присуща главному герою повести К. Чёрного “Лявон Бушмар” (1929). Главный герой пытается отгородиться от наступления нового времени, всеми силами пытается не попасть под его мощные волны, ведя жизнь отшельника на своем хуторе. М.А. Тьчина пишет: “Імкненне адгарадзіцца ад усяго свету, засланіцца на хутары лесам і адлегласцю, інстынктыўнае, прадыхаванае пачуццём слабасці. Магутная постаць Лявона Бушмара, што ўнушае ўсяму наваколлю страх і вымушаную павагу, адзінока ўзвышаецца, быццам апошні рэлікт мінулае эпохі” [9, с. 18]. В вопросе присутствия мотива ухода от нового строя в романе К. Чёрного “Лявон Бушмар” мы солидарны с мнением Т.М. Дасаевой [7, с. 134–135].

Героя, уходящего от революции, читатель встречает также в повести Б. Микулича “Ускраина” (1932). Таким героем здесь является творческий человек, архитектор Крейслер, который сначала пробует приспособиться к новому порядку, но затем понимает, что сделать это он сможет, лишь отказавшись от своего “я”, перестав быть настоящим художником. По этой причине

Крейслер уезжает в Германию, однако вскоре становится там безработным и пытается покончить с собой. Таким образом, формы бегства Крейслера становятся эмиграция и попытка самоубийства, о чем пишет Т.К. Громадченко [10, с. 607]. Исследователь также отмечает, что на образах писателя Парамонта Синичкина и актрисы Гронской повести “Ускраина” Б. Микулич показывает, что для представителей старой интеллигенции есть и другой путь – отказ от былых представлений и содействие переменам нового времени [10, с. 607].

В 1920–1930-е гг. изображение ухода или бегства от политического режима или общественного строя не было характерно для литературы США. Данный тип бегства (или ухода) стал более популярен в американской прозе во второй половине XX в. В эпоху маккартизма антиправительственные настроения среди населения США усилились, что отразилось и в литературе. Прежде всего, стоит упомянуть творчество писателей-битников (Дж. Керуака, У. Берроуза) и Дж.Д. Сэлинджера. Герои Дж. Керуака в романе “В дороге” (*On the Road*, 1957) не приемлют американское “общество потребления”, навязываемые государством ценности и оттого предпочитают существовать в собственном мире, мире бесконечной дороги. Я. Могутин пишет: “Символично название романа Керуака – “В дороге”. Дорога (вспоминаются фильмы Вендерса и Антониони) – это бесконечный и бессмысленный побег от благополучия буржуазного быта, от пуританства и ханжества “общественной морали”, от традиций цивилизации потребительства, побег куда угодно, в никуда...” [11, с. 15].

У Берроуз в романе “Голый завтрак” (*Naked Lunch*, 1959) изображает город под названием Аннексия, из которого главный герой бежит в город Свободию. Исследователь творчества Берроуза О. Харрис пишет, что город Аннексия является отсылкой к некоторым американским штатам, где установилась жесткая система полицейского контроля, следствием чего явилось угнетение прав человека [12, pp. 235, 252].

В повести Дж.Д. Сэлинджера “Над пропастью во ржи” (*The Catcher in the Rye*,

1951) главный герой, который бежит от бездуховности общества, также употребляет антимилитаристские высказывания, выражая свою ненависть к окружающим его реалиям. С. Финкелстайн пишет: «Он [Холден Колфилд] не трус, но говорит, что не выдержал, если бы ему пришлось идти на войну. Армия – “липа”. Ее антифашистские лозунги в прошедшей войне тоже были “липовыми”. Он рад, говорит он, что изобрели атомную бомбу. Если когда-нибудь начнется война, он вызовется сесть прямо на эту бомбу» [13, с. 240].

Тем не менее, для героев битников и Сэлнджера главным образом свойственно бегство от ложных ценностей, навязываемых обществом, но не непосредственно от государственного устройства или политических преобразований. Говоря о последнем типе бегства, стоит отметить творчество Н. Мейлера. В романе “Олений парк” (*The Deer Park*, 1955) писатель изображает кинорежиссера Эйтеля, для которого социализм является средством противостояния маккартизму. Однако в эпоху “охоты на ведьм” герой быстро отказывается от выражения радикальных убеждений и становится еще одним винтиком американской политической машины. Образы коммунистов или социалистов, предавших свои убеждения под давлением общественного осуждения и гнета со стороны государства, нередко встречаются в прозе США 1950–1970-х гг. Стоит упомянуть бывшего осведомителя американского подполья Маклеода, героя более раннего романа Мейлера “Берег варваров” (*Barbary Shore*, 1951), а также экс-коммуниста Старбэка, героя романа К. Воннегута “Рецидивист” (*Jailbird*, 1979). Здесь можно провести параллели с героями повести Б. Микулича “Украина” писарем Синичкиным и актрисой Гронской, которые отказались от антиреволюционных убеждений и приняли социалистический строй. Однако изображение ухода от политических убеждений в произведении Микулича обусловлено необходимостью автора подать читателю положительный пример, пропагандирующий “правильное” революционное мировоззрение. Изображение отречения от политических взглядов героев романов

Мейлера и Воннегута также обусловлено идеологическими целями американских авторов, однако их творчество нельзя отнести к ангажированной литературе. А.С. Мулярчик заметил, что именно американские писатели воплотили в образах своих героев «верно угаданный и своевременно взятый из действительности тип “раскаявшегося бунтаря»» [14, с. 107].

Возвращаясь к роману Мейлера “Олений парк”, стоит отметить образ бывшего военного летчика О’Шонесси. Не приемля политику правительства США, герой не становится ярким коммунистом, но, в отличие от Эйтеля, отвергает выгодное предложение стать лицом государственной пропаганды и уходит из политической игры, погружаясь в самосовершенствование и интеллектуальный поиск. В одной из первых рецензий на роман Мейлера “Американская мечта” (*An American Dream*, 1965) главный герой Стивен Роджек сравнивается с героем романа “Олений парк” Сержиусом О’Шонесси. Автор отмечает, что Роджек также мог пожизненно стать лицом американской пропаганды как герой войны, которого постоянно показывают по телевизору и приглашают на встречи высокие чины. Однако, в отличие от О’Шонесси, Роджек понял, что из “тюрмы” пропаганды он может освободиться лишь став жестоким убийцей, так как именно убийство позволяет ему ощущать себя живым и становится формой бегства героя от гнета политического и социального устройства [15].

Отметим, что в романе Дж. Апдайка “Кролик вернулся” (*Rabbit Redux*, 1971) мотив бегства от государства как института и навязываемых им ценностей также является важным элементом поэтики произведения, что подтверждается такими исследователями, как, А. Мазурек [16, р. 146], Дж. Шифф [17, р. 42], М. Босуел [18, pp. 88–90]. Однако это бегство остается спонтанным и неосознанным главным героем. Будучи в депрессии после расставания с женой, Кролик Энгстром запирается от мира и, сам того не желая, организует коммуну, в которую, помимо него, входят его сын-подросток и еще несколько маргиналов. Отгородившись от общества, герои живут по канонам дви-

жения хиппи: предаются свободной любви, употребляют наркотики и ведут бесконечные философские разговоры. Изображение незаметно бегущего от государства героя является сатирой на американское общество. Более того, такой герой имеет реальный прототип в лице Чарльза Мэйсона, хиппи, организовавшего секту, состоящую из отшельников, совершивших серию жестоких убийств в 1960-х гг. в США.

Среди более поздних произведений американской прозы второй половины XX в., в которых присутствует данный тип мотива бегства, стоит выделить роман Ч. Паланика “Бойцовский клуб” (*Fight Club*, 1996). Бегство рассказчика обусловлено его подсознательным желанием освободиться от оков современной цивилизации. Однако сам он оказывается неспособным на это, вследствие чего у рассказчика развивается раздвоение личности: появляется альтер-эго, которое и становится каналом незаметного бегства рассказчика в другой мир, где нет никаких границ, а сам он является всемогущим. Так, альтер-эго рассказчика организует тайное сообщество, целью которого является уничтожение государства, в котором созданы все условия для угнетения низших классов власть имущими. Отметим мнение Р. Шухардта, который пишет о том, что роман “Бойцовский клуб” – это история “побега от тоталитарного капитализма” [19, р. 3]. Примечательны также слова К. Стерлинг, которая говорит о том, что Тайлер – это попытка “бегства рассказчика из ловушки общества потребления” [20, р. 128].

В эпоху развития промышленности значительной популярностью в белорусской литературе пользовался мотив ухода выходца из деревни в город. Наличие данного типа ухода в рассказах В. Ковалева “Сяльчане” (1926), “У грамадскім грукаце” (1926), “Крыніца” (1928), “Сіняя восень” (1929) обусловлено тем, что все они рассказывают о герое, который любит деревню, однако хочет знать, на что похожа жизнь за ее пределами, там, где советская власть возводит фабрики, заводы, отстраивает города. Желание видеть, как преобразается страна во время индустриализации, найти для себя лучшей доли в городе заставляет героев покинуть

деревню. Т.К. Громадченко также пишет, что в произведениях В. Ковалева перед читателем предстает “сын деревни”, любящий свою родину, но преодолеваемый “стремлением к новой, более содержательной и духовно наполненной жизни” [21, с. 650].

Данный тип ухода также оставался популярным в белорусской прозе 1960–1970-х гг. Однако авторов данного периода интересует не стремление героев открыть новые горизонты и устроить свою жизнь среди чудес индустриализации, но, прежде всего, психология человека, который имеет деревенское происхождение, но пытается приспособиться к жизни в городе. Так, в рассказе “Сена на асфальце” (1963) М. Стрельцов изображает героя, которого из деревни в город приводит желание познать себя, узнать, как он, деревенский парень, будет ощущать себя в другом мире. В конце концов, герой приходит к тому, что примиряет город и деревню в своей душе. Об уходе героя рассказа “Сена на асфальце” из деревни в город как о результате духовных поисков молодого человека пишет Н.В. Кузьмич [22, с. 177].

В повести А. Мосаренко “Сонца майго дня” (1976) также речь идет о герое, уходящем из деревни в город в поисках лучшей жизни. В данном произведении внимание автора сосредоточено на лучших чертах белоруса, которые обусловлены именно его деревенским происхождением, что также отмечается Т.И. Шамякиной [23, с. 524]. Главный герой проявляет такие черты, как совесть, открытость, трудолюбие, целомудрие, скромность, готовность устоять перед пагубными искушениями городской жизни.

Американские прозаики также изображали героя, уходящего из провинции в город, однако в данном случае уход героев обусловлен неприятием провинциальной жизни, стремлением вырваться из ее оков. По мнению И. Нортон, стремительная, мечтательная и во многом сумасбродная натура главной героини новеллы Т. Капоте “Завтрак у Тиффани” (*Breakfast at Tiffany's*, 1958) делает провинциалку беспомощной перед желанием убежать из “пустого и пасмурного места”¹ [24, с. 191] в мир роскошных нарядов и дорогих украшений [25].

¹ Пер. с англ. В.П. Гольшова.

В романе Р. Йейтса “Дорога перемен” (*Revolutionary Road*, 1961) герои – амбициозные, интеллигентные супруги Фрэнк и Эйприл Уилер, уставшие от провинциальной, скучной жизни в пригороде Нью-Йорка, решают вовсе покинуть страну и начать новую жизнь в Париже. Фрэнк, ненавидит свою работу, а Эйприл в попытке найти себе какое-нибудь занятие с треском проваливается, пробуя себя в качестве актрисы малых театров. Более того, у Уилеров проблемы с алкоголем, они скучают в компании своих соседей и боятся превратиться в тривиальных обывателей, будущее кажется им смутным и бесперспективным. Как следствие, Эйприл и предлагает довольно романтическое решение их проблемы: они должны продать свой дом и переехать в Париж. О присутствии в романе Р. Йейтса мотива ухода от угнетающего провинциального существования также пишет Р. Форд [26].

В 1940–1990-х гг типы и формы ухода, изображенные в произведениях белорусских писателей, представлены гораздо большим разнообразием. Это связано с тем, что потребность в прославлении революции в литературе отходит на второй план по причине окончательной победы и укрепления советской власти и разгрома контрреволюционных сил во время гражданской войны. Белорусская литература данного периода не утратила своей ангажированности, однако внимание авторов стало в большей степени концентрироваться на внутренних, духовных причинах ухода и бегства героев.

Великая отечественная война также наложила свой отпечаток на изображение ухода в белорусской военной прозе. В качестве примера можно привести роман А. Кулаковского “Расстаемся ненадоўга” (1952–1954), где изображаются директора школ Жарский и Черчес, которые уклоняются от службы в армии и стремятся выгодно устроиться во времена военного лихолетья. Присутствие мотива уклонения от военной службы в произведении “Расстаемся ненадоўга” также отмечается А.С. Яскевичем [27, с. 67]. Отметим, что в повести В. Быкова “Сотников” (1970) один из главных героев Рыбак совершает экзистенциальный уход: попав в плен, перед лицом смерти он совершает

предательство и соглашается сотрудничать с врагами. В данном произведении автор изучает именно внутренние причины предательства, кроющиеся глубоко в человеческой душе. В. Оскоцкий отмечает, что к предательству явному ведет цепь тайных предательств, которые Рыбак совершает накануне [28, с. 8]. В. Быков предвдваряет дезертирство Рыбака, изображая то, как тот возвращается к раненому на поле боя товарищу не из чувства взаимовыручки, а из желания прикрыть себя перед партизанами, как надеется на то, что Сотников погибнет в полицейских застенках, как изворачивается на допросах, делая все, чтобы сохранить свою жизнь.

В американской прозе XX в. изображение дезертирства встречается в романах Э. Хемингуэя “Прощай, оружие!” (*A Farewell to Arms*, 1929) и Дж. Хеллера “Уловка-22” (*Catch-22*, 1961). В романе Хемингуэя главный герой совершает бегство, так как все его существо протестует против войны. Изображение такого героя обусловлено мнением самого автора, который в предисловии к роману определял войну как “наглое, смертоубийственное, грязное преступление”² [29, с. 7].

В романе Дж. Хеллера “Уловка-22” главный герой, летчик, пытается держаться подальше от боевых действий, уклоняется от боевых вылетов, ссылаясь на плохое самочувствие, однако совершить уход у главного героя не получается по бюрократическим и моральным причинам, нагромождение которых превращается в абсурдистский фарс. А.С. Мулярчик пишет: “Сатира Хеллера в “Уловке-22” резка, нелюбезна и широкоохватна. Она поражает любые мишени, не сообразуясь ни с должностями, ни с количеством звездочек на погонах; ее жертвами становится вся американская иерархия от капрала до генерала, не говоря уже о контрразведке и медицинской службе” [14, с. 134]. Однако, говоря о разных подходах к изображению дезертирства в белорусской и американской литературах, стоит отметить тот факт, что эти различия обусловлены разным восприятием Второй мировой войны советским и американским

² Пер. с англ. Е.Д. Калашниковой.

народами. Для советского человека Великая Отечественная война – это, прежде всего, война освободительная, поэтому представляется естественным, что в белорусской литературе дезертир традиционно является отрицательным персонажем. В глазах многих американцев Вторая мировая война – это решение чужих проблем своими средствами, поэтому уклонист или дезертир, изображенный в прозе США с большей вероятностью может вызвать симпатию или сочувствие читателя.

Изображение ухода (или бегства) от семьи также становится довольно распространенным явлением в белорусской прозе данного периода. Так, главными героями романов А. Савицкого “Жанчына” (1962) и Г. Дюлидовича “Юля” (1971) являются женщины, которые уходят от мужей по причине не прекращающихся семейных раздоров, однако через время находят в себе силы вернуться и начать работу над ошибками, строить свое счастье с любимым человеком заново. Т.И. Шамякина и А.В. Рагуля пишут, что героинь обоих произведений объединяет то, что они не ищут другого счастья, продолжая любить бывших супругов, и находят в себе силы пересмотреть, в первую очередь, свои взгляды на жизнь ради счастья с любимым человеком [30, с. 295; 31, с. 749].

Такой тип ухода, в данном случае – бегство, встречается в романах Дж. Апдайка о Кролике Энгстроме, мужчине, который неоднократно уходит из семьи в поисках чего-то лучшего, а затем возвращается к жене и детям. Однако характерная черта героя Апдайка в том, что, возвратившись, он снова и снова обращается в бегство, причины которого зачастую он сам себе не может объяснить. То есть поведение Кролика бесцельно, иррационально. Более того, герой романов Апдайка постоянно ищет убежище в сексуальных утехах с другими женщинами. Д. Грейнер пишет о том, что для апдайковского героя секс, главным образом, является формой “бегства от смерти” [32, р. 114], так как, предаваясь плотским утехам, он чувствует себя живым. Для Кролика Энгстроме жизнь в браке с нелюбимой женой означает увядание, движение к смерти, что обуславливает постоянную открытость героя к адольтеру.

Отметим мнение Д.В. Таболкина, который пишет о том, что секс и супружеская измена становятся “единственным средством свободного волеизъявления” [33, с. 8] для героев таких романов Апдайка, как “Супружеские пары” (*Couples*, 1968) и “Давай поженимся” (*Marry Me*, 1977). В этих романах изображены богатые жители пригородов, для которых не существует духовных идеалов, а брак и семья являются для них в первую очередь необходимостью, показателем их состоятельности, который определен нормами американского общества. Не случайно эпиграфом к роману “Супружеские пары” Апдайк выбрал следующие слова Пауля Тиллиха из книги “Будущее религий”: “Средний гражданин, даже добившийся высокого положения в своей профессии, склонен считать решения, относящиеся к жизни общества, к которому он принадлежит, делом рока, над которым он не властен, подобно подданным Рима по всему миру в эпоху Римской Империи. Такое настроение способствует возрождению религии, но не сохранению настоящей демократии” [34, с. 5]. Именно брак является для героев тем “решением, относящимся к жизни общества”, “делом рока”. Поскольку религиозное чувство чуждо героям, единственным способом вырваться из-под гнета социальных условностей, определивших несчастье героев в семейной жизни, является супружеская измена, которая, главным образом, проявляется на плотском уровне.

Героиня рассказа Н. Гигевича “Райка” (1978) также прибегает к такой форме бегства от рутины семейных отношений и жизни в целом, как случайная сексуальная близость. С.А. Андреюк пишет, что поведение главной героини произведения объясняется ее стремлением романтизировать жизнь, поэтизировать отношения с мужчинами, постоянно переживать высокие чувства [35, с. 811]. Подобные наивность и максимализм, которые становятся подоплекой бегства, также свойственны герою повести Дж.Д. Сэлинджера “Над пропастью во ржи” Холдену Колфилду, который ищет искренность и неподдельность в окружающих людях и сбегает от всех, кто, по его мнению, этими качествами не обладает.

Примечательно, что типы и формы ухода и бегства, изображенные некоторыми белорусскими прозаиками последней четверти XX ст., характеризуются концептуальной схожестью со своими аналогами в американской прозе XX в.

Можно привести в пример роман А. Мосаренко “Баргузинские лета” (1982). Героиня произведения Дуня отправляется в тайгу с целью познать трудности настоящей жизни и уйти от однообразности городского быта. Т.И. Шамякина также подчеркивает главенствующую роль мотива ухода от рутинного существования в романе “Баргузинские лета” [23, с. 528]. Легко провести параллели между Дуней и героями “северных рассказов” Дж. Лондона, которые, не преуспев в погоне за “американской мечтой”, уходили добывать золото на север, несмотря на все связанные с этим трудности и опасности. В.М. Быков пишет: “Писатель [Дж. Лондон] показывал, как вытесненный из цивилизованного мира человек пытался добыть свое счастье и как жестко расплачивался за эту дерзость” [36, с. 39]. В.Н. Богословский также отмечает, что “не за золотом, за настоящей жизнью” [37, с. 355] отправляются на Аляску герои Дж. Лондона.

В рассказе А. Наварича “Тепардава лета” (1988), главный герой которого сбегает от меркантильности окружающих его людей и жизненных неурядиц в мир фантазий, которые навешают его во время чтения книг и становятся для парня другой, более красочной и захватывающей реальностью. Наличие мотива ухода от общества в воображаемую реальность в рассказе А. Наварича “Тепардава лета” отмечает также З.В. Дроздова [38, с. 182].

Грезы являются убежищем и для героя повести Дж. Д. Сэлинджера “Над пропастью во ржи” Холдена Колфилда. В моменты сильнейшего душевного кризиса подросток отрешается от происходящего вокруг, погружаясь в фантазии, героями которых являются любимые люди, утки на пруду в Центральном парке или сам Холден в роли благородного мстителя из остросюжетного фильма или лежащего на тротуаре самоубийцы. Д. Джоннес и Д. Брыфонски пишут о том, что именно наличие психологической

травмы и глубокая депрессия заставляет Холдена постоянно сбегать в мир собственных грез [39, р. 106; 40, р. 77, 99].

Стоит также упомянуть пронизанный мотивами ухода роман “І той дзень надышоў” (1987) писателя-эмигранта М. Седнева. Главный герой романа писатель Микола Масеевич не соглашается с политикой коммунистов в вопросе об идеологической роли литературы и сам отказывается становиться винтиком системы. Герой постоянно думает о том, что нужно бежать от тех изменений, которые происходят в стране, однако, надеясь на лучшее, не решается покинуть родную деревню. Как пишет Л.С. Савик, “ему [герою] было предписано исчезнуть, быть “отрезанным” от родного окружения и Родины” [41, с. 408]. В итоге герой попадает в Гулаг. Практически сразу после освобождения Микола начинается Великая Отечественная война, и герой снова оказывается между двух огней: с одной стороны ненавистная коммунистическая власть, с другой – немецкие оккупанты. Герой всеми силами уклоняется от принятия какой-либо стороны, занимает нейтральную позицию, что также становится для него формой вынужденного ухода от политической жизни и, что важнее, от родного окружения. Роман заканчивается тем, что герой вынужден покинуть отечество и уехать на чужбину. Таким образом, в романе Седнева изображается экзистенциальный уход: находясь между двух огней, герой вынужден расстаться с родиной. А. Бахаревич так объясняет судьбу героя Седнева: “Ад такіх [коммунистов, оккупантов] трэба ўцякаць. Хоць у Нямецчыну, хоць у Амэрыку. Іначай усё жыццё будзеш разважаць над філязофскім пытаньнем: “Чаму не хапае адвагі і волі сябе задушыць у абшары лясным?” [42, с. 291]. Отметим, что среди рассматриваемых в статье писателей М. Седнев, вероятно, испытывает наибольшее влияние американской литературной традиции, так как долгое время жил в эмиграции в США, где и написал роман “І той дзень надышоў”.

Экзистенциальное бегство также совершает героиня русскоязычного романа белорусского автора Е. Поповой “Пузырек воздуха в кипящем котле” (2007). Желание

отгородится от несчастливого прошлого, забыть о том, что было, также приводит главную героиню к расставанию с родиной: Л.В. Олейник пишет: “Очень утонченно, художественно достоверно отразила Е. Попова эмоциональное состояние героини в момент отъезда за пределы родины. Фактически – это бегство [курсив наш. – Д.Л.]. <...> Этот эпизод демонстрирует сумятицу чувств Комяковой, состояние страха и загнивания, острейшего кризиса, граничащего с агонией. Казалось бы, отъезд – это спасение...” [43, с. 20].

В американской литературе существует традиция изображения ухода или бегства героя из родных мест. Чаще всего герой американской прозы покидает родину по причине утраты чувства привязанности к ней, приобретения ощущения неприкаянности, что также может иметь разную подоплеку. Так, уезжает в Париж “мыслящий себя заложником индустриальной цивилизации” [44, с. 45] герой романа Г. Миллера “Тропик Рака” (*Tropic of Cancer*, 1934); избавиться от изнуряющего однообразия рутинной жизни водителя автобуса с помощью бегства в Мексику пытается герой романа Дж. Стейнбека “Заблудившийся автобус” (*The Wayward Bus*, 1947); ощущая себя лишним во взрослом мире, мечтает о хижине вдалеке от города герой повести Дж.Д. Сэлинджера “Над пропастью во ржи”; от затягивающего всё сильнее и сильнее болота семейной жизни и кризиса среднего возраста бежит без оглядки к Мексиканскому заливу герой романов Дж. Апдайка о Кролике; метается по свету в несознательной погоне за счастьем герой романа У. Грума “Форрест Гамп” (*Forrest Gump*, 1986). Всех этих героев объединяет чувство отчужденности от родных мест и своего окружения, что и является импульсом к началу их ухода или бегства.

Заключение

Таким образом, в белорусской прозе 1920–1930-х гг., ввиду высокой степени ангажированности литературы, изображение ухода или бегства в большинстве случаев служит идеологическим целям. Нельзя сказать того же о тех произведениях писателей США XX в., в которых встречаются анало-

гичные типы данных мотивов. Присутствие уходящего или бегущего героя в американских прозаических произведениях обусловлено спецификой литературных традиций, а также неангажированностью творчества многих американских писателей. На данном этапе в белорусской прозе наиболее распространен мотив ухода от общественно-политического строя царской России (М. Зарецкий, П. Головач, Я. Колас). В прозе США данный тип мотивов ухода и бегства также занимает большую нишу, однако встречается в основном в произведениях писателей нонконформистов 1950–1960-х гг. (Н. Мейлер, Дж. Керуак, Дж.Д. Сэлинджер), несогласных с политикой государства, проводимой во времена сенатора Маккарти.

В 1940–1990-х гг. в белорусской прозе мотивы ухода и бегства представлены гораздо большим разнообразием типов и форм. Более того, предметом интереса писателей чаще становятся внутренние причины ухода и бегства героев.

В произведениях некоторых авторов присутствует такой тип ухода, как дезертирство. В американской прозе XX в. также встречается данный тип ухода, однако концепция его изображения в литературе США иная. В белорусской прозе дезертир – это, прежде всего, предатель, отрицательный персонаж, встречающийся на страницах произведений о Великой Отечественной войне (А. Кулаковский, В. Быков). В американской прозе дезертирство – это презрение героем войны как таковой, его неспособность примириться с участием в тотальном уничтожении и разрушении, развязанном властями (Э. Хемингуэй, Дж. Хеллер).

Белорусские писатели данного периода также изображают уход героя от семьи (А. Савицкий, Н. Гигевич), уход от бытового однообразия (А. Мосаренко), уход от общества (А. Наварич), экзистенциальный уход (М. Седнев). Стоит отметить, что концепция ухода, изображаемого белорусскими прозаиками в данный период, во многих случаях может характеризоваться схожестью со своими аналогами, встречающимися в произведениях писателей США (Дж. Лондон, Дж. Стейнбек, Дж.Д. Сэлинджер, У. Грум). Безусловно, эта схожесть обусловлена, пре-

жде всего, более высокой степенью оригинальности творческого замысла авторов, а не влиянием идей отдельно взятых американских писателей. Также стоит отметить, что для белорусской прозы мотив ухода более актуален, нежели мотив бегства, так как ее герой более рационален, его уход подчиняется логике и имеет задуманную героем конечную точку. В американской прозе, особенно во второй половине XX в., чаще встречается мотив бегства. Для героев произведений Дж. Керуака, У. Берроуза, Дж.Д. Сэлинджера, Дж. Апдайка, Ч. Паланика бегство становится образом жизни, оно никогда не прекращается и изначально не имеет конечного пункта. Более того, их поведение часто приобретает стихийный характер и не подчиняется здравому смыслу.

Отметим также, что уход и бегство, изображенные в белорусской прозе, часто обуславливаются любовью героев к Родине, желанием ее процветания (“Вязьмо” М. Зарэцкі, рассказы в Ковалю) и/или стремлением сохранить в себе врожденную духовность, жить по унаследованному, складывавшемуся веками укладу жизни (“Лявон Бушмар” К. Черного, “Сонца майго дня” А. Мосаренко, “Сена на асфальце” М. Стрельцова, “І той дзень надышоў” М. Седнева).

Присутствие мотивов ухода и бегства в американской прозе часто основано на отторжении героями американского духа в себе и окружающих и/или неприятия собственного происхождения, отречения от корней (“Дорога перемен” Р. Йейтса, “Завтрак у Тиффани” Т. Капоте, “Олений парк” Н. Мейлера, “Тропик Рака” Е. Миллера, “Над пропастью во ржи” Дж.Д. Сэлинджера, “Бойцовский клуб” Ч. Паланика).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Fiedler, L.* Love and Death in the American Novel / L. Fiedler. – New York : Anchor Books, 1992. – 519 p.
2. *Зверев, А. М.* Американский роман 20–30-х годов / А. М. Зверев. – М. : Художественная литература, 1982. – 257 с.
3. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов и выражений. – 27-е изд., испр. / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Скворцова. – Москва : АСТ: Мир и Образование, 2014. – 1360 с.
4. *Бароўка, В. Ю.* Платон Галавач / В. Ю. Бароўка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – Т. 2. – С. 576–599.
5. *Тычына, М. А.* Якуб Колас / М. А. Тычына // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – Т. 1. – С. 176–236.
6. *Зарэцкі, М.* Зб. тв. : у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – Т. 2.
7. *Дасаева, Т. М.* Беларуская літаратура XX – пачатак XXI стагоддзя / Т. М. Дасаева. – Мінск : Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, 2016. – 263 с.
8. *Мушынскі, М. І.* Міхась Зарэцкі / М. І. Мушынскі // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – Т. 2. – С. 304–349.
9. *Тычына, М. А.* Цана прароцтваў / М. А. Тычына // Чорны, К. Выбраныя творы / К. Чорны. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – С. 5–26.
10. *Грамадчанка, Т. К.* Барыс Мікуліч / Т. К. Грамадчанка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – Т. 2. – С. 600–614.
11. *Могутин, Я. Ю.* Битники: история болезни / Я. Ю. Могутин, А. Н. Шаталов // Берроуз, У. С. Гольый завтрак / У. Берроуз. – Москва : Плагол, 1993. – С. 7–24.
12. *Harris, O.* William Burroughs and the Secret of Fascination / O. Harris. – Carbondale and Edwardsville : SIU Press, 2006. – 287 p.
13. *Финкелстайн, С.* Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе / С. Финкелстайн. – Москва : Прогресс, 1967. – 323 с.
14. *Мулярчик, А. С.* США – век двадцатый: грани литературного процесса / А. С. Мулярчик. – Барановичи : Барановичская крупная тип., 1994. – 341 с.
15. *Knickerbocker, C.* A Man Desperate for a New Life / C. Knickerbocker. – The

- New York Times [Electronic resource]. – 1965. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/packages/html/books/maile-american-dream.pdf>. – Date of access: 18.03.2018.
16. **Mazurek, A.** Ideology and Representation in Updike's Rabbit Trilogy / A. Mazurek // Politics and the Muse: Studies in the Politics of Recent American Literature / A. J. Sorkin. – Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 1989. – P. 142–161.
 17. **Schiff, J. A.** John Updike Revisited / J. A. Schiff. – Boston : Twayne, 1998. – 228 p.
 18. **Boswell, M.** John Updike's Rabbit Tetralogy: Mastered Irony in Motion / M. Boswell. – Missouri : University of Missouri Press, 2001. – 253 p.
 19. **Schuchardt, R. M.** Chuck Palahniuk, Existential Paramedic / R. M. Schuchardt // You Do Not Talk About Fight Club: I Am Jack's Completely Unauthorized Essay Collection / R. M. Schuchardt. – Dallas : Benbella Books, 2015. – P. 1–7.
 20. **Sterling, K.** Dr. Jekyll and Mr. Jackass / K. Stirling // You Do Not Talk About Fight Club: I Am Jack's Completely Unauthorized Essay Collection / R. M. Schuchardt. – Dallas : Benbella Books, 2015. – P. 119–133.
 21. **Грамадчанка, Т. К.** Васіль Каваль / Т. К. Грамадчанка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – Т. 2. – С. 646–656.
 22. **Кузьмич, Н. В.** Горад і вёска ў апавяданнях Міхася Стральцова / Н. В. Кузьмич // Актуальныя праблемы славянскай фіялогіі. Выпуск XXIII. Часть 1 / Бердыняк : Бердынянскі гос. пед. ун-т, 2010. – С. 171–179.
 23. **Шамякіна, Т. І.** Алесь Масарэнка / Т. І. Шамякіна // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Т. 4. – С. 515–543.
 24. **Капота, Т.** Голоса травы. Завтрак у Тиффани / Т. Капота. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 224 с.
 25. **Norton, I.** Year with Short Novels: Breakfast at Sally Bowles' / I. Norton. – Open Letters Monthly: an Arts and Literature Review [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <https://www.openlettersmonthly.com/short-novels-breakfast-at-sally-bowles/>. – Date of access: 18.03.2018.
 26. **Ford, R.** American Beauty / R. Ford. – The New York Times [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/2000/04/09/books/essay-american-beauty-circa-1955.html>. – Date of access: 18.03.2018.
 27. **Яскевіч, А. С.** Проза / А. С. Яскевіч // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2001. – Т. 3. – С. 55–80.
 28. **Оскоцкий, В. Д.** Предисловие / В. Д. Оскоцкий // Быков, В. Сотников / В. Быков. – Москва : Детская литература, 1982. – С. 7–10.
 29. **Хемингуэй, Э.** Прощай, оружие! Рассказы / Э. Хемингуэй. – Москва : Художественная литература, 1977. – 385 с.
 30. **Шамякіна, Т. І.** Алесь Савіцкі / Т. І. Шамякіна // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Т. 4. – С. 287–321.
 31. **Рагуля, А. У.** Генрых Далідовіч / А. У. Рагуля // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Т. 4. – С. 737–776.
 32. **Greiner, D. J.** Adultery in the American novel: Updike, James, and Hawthorne / D. J. Greiner. – Columbia : University of South Carolina, 1985. – 136 p.
 33. **Таболкин, Д. В.** 100 знаменитых американцев / Д. В. Таболкин. – Харьков : Фолио, 2004. – 512 с.
 34. **Андайк, Дж.** Супружеские пары / Дж. Андайк. – Москва : Махаон, 2002. – 480 с.
 35. **Андраюк, С. А.** Васіль Гігевіч / С. А. Андраюк // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Т. 4. – С. 806–835.
 36. **Быков, В. М.** Джек Лондон / В. М. Быков. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1968. – 284 с.
 37. **Богословский, В. Н.** Ранний американский романтизм / В. Н. Богословский, В. Г. Прозоров // История зарубежной литературы XIX века. – Москва : Высшая школа, 1991. – С. 335–355.

38. **Драздова, З. У.** Праблема чалавечага характару ў эксперыментальна-пошукавых формах сучаснай французскай і беларускай прозы / З. У. Драздова // Беларуская літаратурная класіка і сучаснасць: праблемы характаралогіі. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – С. 232–307.
39. **Jonnes, D.** Trauma, Mourning and Self-fashioning in The Catcher in the Rye: Reinventing Youth in Cold War America / D. Jonnes // J. D. Salinger's The Catcher in the Rye / S. Graham. – London, New York : Routledge, 2007. – P. 99–108.
40. **Bryfonski, D.** Depression in J.D. Salinger's The Catcher in the Rye / D. Bryfonski. – Farmington Hills : Greenhaven Press, 2009. – 218 p.
41. **Савік, Л. С.** Пакліканьня: Літ. бел. замежжа / Л. С. Савік. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 479 с.
42. **Бахарэвіч, А.** Гамбурскі рахунак Бахарэвіча / А. Бахарэвіч. – Радзьё Свабодная Эўропа, Радзьё Свабода, 2012. – 428 с.
43. **Олейник, Л. В.** Метафорический мир романа Е. Поповой “Пузырек воздуха в кипящем котле” / Л. В. Олейник // Русскоязычная литература Беларуси. – Мінск : БГУ, 2010. – С. 11–24.
44. **Аствацатуров, А. А.** Генри Миллер и его “парижская трилогия” / А. А. Аствацатуров. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 344 с.

Поступила в редакцию 11.09.2019 г.
 Контакты: +375(29) 776 86 85
 (Лабовкин Дмитрий Андреевич)

Labovkin D.A. SPECIFIC FEATURES OF THE DEPICTION OF LEAVING AND RUNNING AWAY IN THE BELARUSIAN AND AMERICAN PROSE OF THE XX CENTURY

In the article the types of the Belarusian prose characters' leaving and running away are compared to their analogues in the American prose of the XX century. Common and distinctive features of leaving and running away depicted in the prose of each nation are defined in the paper. The presence of these motifs in the Belarusian prose is determined by certain political and cultural transformations and by uniqueness of certain authors' ideas in some cases. In the XX-century US prose the analogues of the Belarusian types of leaving and running away are easily found. However, the depiction of these phenomena is traditional for the American literature in general. Moreover, for the reason of the XX century social, political and cultural differences between the two nations being observed, conceptual distinctive features in the depiction of leaving and running away in the Belarusian and American prose prove to be obvious. Common features in the depiction of these phenomena in the Belarusian and American prose are characterized as accidental and local.

Keywords: running man, leaving, motif, state, society, family.